

ЭХО «ПРЯМОЙ РЕЧИ»

«ГЛАС НАРОДА» В УСЛОВИЯХ ГЛАСНОСТИ

ОТВЕЧАЯ на вопросы редакции итальянской газеты «Унито», М. С. Горбачев подчеркнул: «Мы убеждены, что наше социалистическое общество, решительно движущееся по пути перестройки и демократического обновления, крайне заинтересовано в том, чтобы каждый — будь то рабочий, колхозник, ученик или представитель художественной интеллигии — вносил самостоятельный, индивидуальный и оригинальный вклад и в обсуждение планов и решений, и в усилия по их претворению в жизнь». Об актуальности этой задачи говорится в недавней публикации статьи профессора Б. Грушинского в «Советской культуре».

Примечательно, что в статье, вести речь об академических исследованиях (исследованиях бы они ни были), а о «моментальном снимке» сегодняшнего состояния массового сознания, нашумел сдвиг мнения о том, что дается сегодня в стране.

Тот же обострился еще хуже, чем с социологической наукой в целом. Долгие годы вместо реального измерения массовых мнений и настроений, их обнаружения и публичного обсуждения царило повторение привычных лозунгов: «Весь советский народ единодушно выступает в поддержку...». Да нет ничего такого, в поддержку чего выступают все народ. Всегда находятся какое-то число людей, которые будут возвращать по тем или иным причинам даже против самых благих начинаний. Тем более неоднозначной будет реакция на предложение новаторские, необычные, спорные, по-разному затрагивающие интересы разных социальных групп. И знание этих разных точек зрения людей крайне необходимо, если мы хотим, чтобы эти люди активно участвовали в осуществлении тех или иных программ.

Чего, собственно, мы боимся? Что народ не поддержит политику партии и правительства? Семьдесят лет жизни при социалистической строю, защищая с оружием в руках цепью десятков миллионов жизней Советской власти должны были, казалось бы, убедить в приверженности народа избирательному политическому курсу, как и определенному комплексу идей социальной справедливости, гуманизма, неотъемлемых прав, ценностей, принципов организации общества. Что касается конкретных планов развития тех или иных отраслей жизни страны, крупных и мелких проектов, то здесь и не должно быть полного единогласия: «всепартийной» поддерки. Здесь может и должно быть никакие разнообразие мнений. Более того, наличие открытой, и главное, смыслающей критики по тем или иным проектам как раз и может играть роль встроенного, говоря техническим языком, в системе предохранительного устройства, предупреждающего, что не все механизмы работают нормально.

В нашей истории достаточно случаев, когда пагубная критика приводила к печальному для страны последствию, будь то сельскохозяйственная политика, положение с генетикой, избирательной. Этот ряд можно продолжить вплоть до недавних событий с поворотом серебряных рено и т. д.

Сегодня мы знаем: выражение и учитывание как общественного, так и индивидуального мнения осуществляются согласно одним и тем же принципам социалистической демократии, которые весьма слабо использовались до последнего времени. Среди них — право гражданства высказывать собственное мнение по любому вопросу и гласность, прежде всего в прессе, дающая возможность обществу знать разные точки зрения по важным проблемам.

К СОЗНАНИЮ, развитие демократии — далеко не быстрый процесс. Как часто мы говорим: «Он, видите ли, один пытается в ногу, а все остальные не в ногу». В армии действительно приходе строем нужно всем с правой или с левой, а в обществе и один может

оказаться прав. Но главное, он должен иметь право высказывать открыто и без опаски свое мнение. Одно из привычных клише — народ всегда прав. (В историческом плане — да, а в конкретных случаях и большие группы, и классы, и народы могут ошибаться). Если у человека или у группы людей мнение отличается от общепринятого, то их взгляды и деятельность нередко получают ярлык «антинародные». Это приставка анти (часто рожденная людьми в прошлом), пренебрежимая и другим термином, не раз использовалась для характеристики людей с «неудобными» взглядами.

Вместо живущих недемократических традиций связанных с превратно толкуемым принципом демократического централизма, автоматически распространением его на жизнь всего общества. Правда, подчинение меньшинства большинству, прекращение всех дискусий после принятия решения относится прежде всего к партии, добровольно вступившей в которую, человек об鬻ется этим принципом следовать, а правила — выполнять. И обществе человек должен следовать законам, знать, что это конституционно. Дискуссии же должны идти, если есть дискуссионисты, вне зависимости от принятия какого-либо административного решения.

Несмотря на первые застоски в недавнем прошлом, наше общество не потеряло дух новаторства, молодости, о чём свидетельствуют возникающие здесь и там новые неформальные организации и формы деятельности, социальные изобретения, уже нацеленные на следующий век. В то же время, похоже, мы достигли определенной зрелости как страны и как политическая система, начиная избавляться от «молодежного» комплекса неполноценности», из-за которого мы стремились доказать всем, что мы лучше во всем — самые сильные, самые богатые и самые страстные. Особенно последнее — у нас все всем доводы и все подтверждают.

Эта зрелость и уверенность в возможностях нашего социалистического строя дает нам право смело признавать многие наши просчеты, недостатки и проблемы, а также остройную борьбу в обществе по поводу путей его развития. Мы теперь так не надражаем, как раньше, когда на Западе указывали пальцем на наименование в СССР, на желание кое-кого уехать из страны, на сопротивление перestroйке. Оно — всем это мы раньше узнали из собственной прессы.

ПРЕССА сейчас — это «голос перестройки». Однако, чтобы реально оценить характер этой острой борьбы, которая идет в обществе, прелестный на пути революционных преобразований, нам нужно услышать и тех, кто не торопится перестраиваться. Конечно, в каждом из нас есть консервативное начало, сопротивление ложе привычных устоев, методов работы, взаимоотношений между людьми. Поэтому действительно многие люди, желающие перестройки в стране и в целом, перестраивают что-либо вокруг себя не торопятся. Есть и другие, которые возражают против холостяка и «попутки на пакет», третья — против «закончения пашни», четвертые — страшно сказать — против наступления на алиогол, пятые — против программы Фила Донаху и т. д. Конечно, противники перестройки, или отдельные ее стороны, не живут в каком-либо одном месте, не носят общей спортивной формы и не пойдут, вероятно, как члены общества «Память», демонстрируя перед Москонетом. Однако их голоса должны быть слышаны в вынесении, все более многоголосом общественным хоре, даже если кажется, что они портят мелодию. Пожалуйста есть люди, которые все равно «возражают действием» (или бездействием), то лучше в полной мере знать такие мнения и настроения. Чтобы не повторять старых ошибок, нам надо выработать терпимое отношение к несогласным (даже и несогласным с благом делом).

Некоторые могут сказать — это явно не «голос большинства», имея в виду, что замеры общественного мнения, в том числе и его широкому освещению, следует относиться весьма осторожно, дабы не пойти у него на поводу, не дать пищу для измышления идеологического противнику и т. п. Собственно, это всегда было основной принципией — «госторонность» в информации; с ним мы провозглашали национализацию, преступление и многое другое.

Но общественное сознание нашего сегодняшнего общества и его срез, смысль в виде общественного мнения — это то, что реально существует, и другого, запасного, у нас нет.

Понятно, что общественное мнение — это проявление коллективного разума. А что если «коллективный разум» в силу недостаточной компетентности даст ошибочное, нелогичное, порочное суждение, например, если большинство населения, или, допустим, большинство муниципалитетов настаивает в опросах против принятых антиналоговых мер? Здесь возможны несколько подходов. Во-первых, никто не предлагает превращать подобные опросы общественного мнения в управление.

Некоторые могут сказать — это явно не «голос большинства», имея в виду, что замеры общественного мнения, в том числе и его широкому освещению, следует относиться весьма осторожно, дабы не пойти у него на поводу, не дать пищу для измышления идеологического противнику и т. п. Собственно, это всегда было основной принципией — «госторонность» в информации; с ним мы провозглашали национализацию, преступление и многое другое.

Специфически различные эти расхождения в подготавливаемых иностранных языках. Выпускаемые романо-германскими факультетами и факультетами иностранных языков университетов получают квалификацию «филолог, преподаватель английского (французского, немецкого и т. д.) языка и литературы». Выпускники же педагогических институтов иностранных языков присваиваются квалификации «учитель английского (французского, немецкого и т. д.) языка». Здесь, как видим, из названия специальности исчезают очень существенные понятия «филолог» и «литература».

В соответствии с подобной установкой в учебных планах педагогических и романо-германских факультетов университетов начинает преобладать узкопрограммический подход, предлагающий забыть фундаментальную подготовку.

Мы глубоко убеждены, что ориентация филологического образования, особенно романо-германского профиля, на узконационалистическую специализацию, карикатурная для педвузов и педагогических семинарских университетов, нанесет невосполнимый ущерб общегуманитарной и общекультурной подготовке филологов, сужит функциональные возможности и профессионализм и в конечном итоге негативно скажется на духовном потенциале советского общества.

Чтобы избежать этого, следует, во-первых, решительно отсудить наметившуюся в ряде университетов практику резкого сокращения, а тем более изъятия литературоведческих дисциплин из учебных планов филологических факультетов, и особенно романо-германских факультетов и факультетов иностранных языков; во-вторых, принять необходимые меры к увеличению доли этих дисциплин (зведение в литературоведение, теория литературы, история зарубежной литературы) в учебных планах педагогических факультетов. Особую актуальность эта проблема приобретает в свете намечаемой унификации филологических специальностей преподавательского профиля.

Однако складывается впечатление, что Минвуз СССР склоняется к идеям унификации педагогических специальностей, не на базе более высокого (университетского), а на базе более низкого в фундаментально-творческом и гуманитарном плане уровня, то есть на базе педагогических планов.

Преподаватели-филологи для общеобразовательной школы (русского языка и литературы, родного языка и литературы, иностранных языков) предлагают филологов для сокращения курса «Введение в литературоведение» — до 36 часов, «Теории литературы» — до 27 часов. При этом

хотя бы ради развития традиций демократизма и гласности, и чтобы когда-нибудь не заморозить противников очередной бюрократической или технократической автотранспорта.

Мы должны отдавать отчет, что глас народ не всегда признает, что мы можем услышать что-то «неродное», непредсказуемое, находящееся в схемах учебников обществоведения. И что общественное мнение будет сдерживать противоречия друг другу суждения, поскольку в обществе множество противоречий.

При этом, что хочет услышать все это многоязычие, следует отдавать отчет, что и мнения отдельных людей, слоев и групп подчас внутренних противоречий, часто взаимоисключающих суждений — это далеко не научная система. Трудно сказать сейчас, каков, например, процент людей верят в привидения, однако статистические представления бывают предсказочно.

Как известно, во все времена было принято выявлять публично почтение к мнению народа. Политики в разных концах света, особенно с развитием буржуазной демократии, претендовали на знание истинного интереса своего народа. Церковь и писатели считали, что они чувствуют душу веющей и читающей пластики. Журналисты в нашей эпохе так или иначе отражают доминирующие настроения в обществе, иногда их предчувствует, часто на них влияет. Вопрос в том, как реально и надежно узнавать и оценивать общественное мнение и как использовать его в управлении страной. Особенно это важно в нынешних условиях революционных преобразований в обществе, в развитии не только представительной, но и прямой демократии.

Многие из высказываемых мнений — глубокие убеждения людей, за которые они готовы бороться, другие — скорее повторение типичных суждений, особенно если проблема не затрагивает человека лично, третьи — вообще догадки, отрывки, по выражению Маркса, «туманные образования в мозгу людей». В этом плане перед нами говорят о проблеме информированности общественного мнения, которая, как спрашивали у Грушинского, «всплеск и ТВ-студии не должны быть самыми крупными, но они там могут и должны быть. У прессы свой особый интерес к мнениям и запросам людей — это их читатели и слушатели. Так что вкус к этому делу есть.

Но главное, почему нужна разветвленная сеть — это необходимость различных методов опросов, альтернативного анализа, состояния общественного мнения. Так же, как нам нужны единственные методологии сферы социологии, информационные, проведения опросов и обработки данных, нужно и разнообразие в оценках. Ясно, что одной «супервизации» недостаточно, чтобы говорить одним голосом с разными аудиториями. Недостаточно и одного «суперцентра», чтобы слушать и оценивать «голос народа», который на самом деле — мощный многоголосый хор, со своими солистами, басами и диксансантами; но также и певчими, которые не помнят слов и только мячат, да и певчими, которых «медведь на ухо наступил». Однако, как говорится, какой есть. И для того, чтобы драматизировать таким образом, надо уметь слушать. Всезнавлю, в условиях разымающейся гласности эти оценки — академические, государственные организации и прессы должны широко освещаться в печати. И это, собственно, половина всего дела, причем, пожалуй, наиболее важной.

Есть, конечно, опасность при расширении сферы опросов, росте «моды» на них расплыть и кустарину, когда начнут пропадать в частности. Б. Грушин пишет, что реальные изменения произойдут лишь тогда, когда работники сферы управления станут понимать, что общественное мнение не «бездельник родственник», а, сознание, «важнейший фактор и механизм повышения эффективности их деятельности. Более, не станут многие из них понимать это, но крайней мере в ближайшее время. Зачем, например, министерству, особенно отставающему, изучать и публиковать мнение общественности о его отставании? Ему и так хватает настороженности, чтобы еще выступать в роли «унитер-офицера адвоката».

Однако это изучение нужно обществу, всей стране: мобилизация масс, человеческого фактора на качественно новом уровне налажана в числе важнейших задач в последних документах нашей партии. Важно сдвинуть дело с места, это мало что дает, кроме опасного, неизвестного и опасного усиления. Это все равно, что спрятать в ящике кота.

Н. ПОПОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады АН СССР.

ильной точки, в том числе с помощью прессы начать с того, что у нас нет отдаленной системы национальных, всесоюзных опросов общественного мнения. Её надо создавать, и прежде всего надежную сеть интервьюеров, математическую, компьютерную базу и многое другое. Но, предположим, эти, основной технические, проблемы решены. Хотим ли мы иметь один огромный центр фиксации общественного мнения — этакий «ЦСУ мнений»?

Возможно, крупные центры нужны, но вообщем сразу необходимо создавать разветвленную сеть изучения общественного мнения, представляемую разными подходами, включая общественные опросы, чтобы учесть разные мнения и темы. Может быть, на меньшей мере три направления. Одно из них академическое: социологические институты, центры при университетах и соответствующих факультетах, причем жестко связанные в каждой республике. Акцент здесь может быть на более глубоком и долгосрочном изучении тенденций в общественном мнении, его динамике, причинах формирования и изменения мнений. Другое направление — центры при государственных организациях, которые занимались социальной статистикой, могли бы одновременно изучать и общественное мнение. Наконец, Национальный, может быть, альтернативный, центральный орган, представляющий различные методы масовой информации. И здесь мы возвращаемся к ИНОМ, функционировавшему в свое время благодаря энтузиазму Б. Грушинского в «Комсомолке». Как многое в нашей социологии, это типично начинание скорее для десятых лет назад. Может быть, слушая вопросы в редакциях газет и ТВ-студии не должны быть самыми крупными, но они там могут и должны быть. У прессы свой особый интерес к мнениям и запросам людей — это их читатели и слушатели. Так что вкус к этому делу есть.

Но главное, почему нужна разветвленная сеть — это необходимость различных методов опросов, альтернативного анализа, состояния общественного мнения. Так же, как нам нужны единственные методологии сферы социологии, информационные, проведения опросов и обработки данных, нужно и разнообразие в оценках. Ясно, что одной «супервизации» недостаточно, чтобы говорить одним голосом с разными аудиториями. Недостаточно и одного «суперцентра», чтобы слушать и оценивать «голос народа», который на самом деле — мощный многоголосый хор, со своими солистами, басами и диксансантами; но также и певчими, которые не помнят слов и только мячат, да и певчими, которых «медведь на ухо наступил». Однако, как говорится, какой есть. И для того, чтобы драматизировать таким образом, надо уметь слушать. Всезнавлю, в условиях разымающейся гласности эти оценки — академические, государственные организации и прессы должны широко освещаться в печати. И это, собственно, половина всего дела, причем, пожалуй, наиболее важной.

Есть, конечно, опасность при расширении сферы опросов, росте «моды» на них расплыть и кустарину, когда начнут пропадать в частности. Б. Грушин пишет, что реальные изменения произойдут лишь тогда, когда работники сферы управления станут понимать, что общественное мнение не «бездельник родственник», а, сознание, «важнейший фактор и механизм повышения эффективности их деятельности. Более, не станут многие из них понимать это, но крайней мере в ближайшее время. Зачем, например, министерству, особенно отставающему, изучать и публиковать мнение общественности о его отставании? Ему и так хватает настороженности, чтобы еще выступать в роли «унитер-офицера адвоката».

Однако это изучение нужно обществу, всей стране: мобилизация масс, человеческого фактора на качественно новом уровне налажана в числе важнейших задач в последних документах нашей партии. Важно сдвинуть дело с места, это мало что дает, кроме опасного, неизвестного и опасного усиления. Это все равно, что спрятать в ящике кота.

Н. ПОПОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады АН СССР.

ТРЕБУЕТ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

СКУДЕЕТ БАГАЖ УЧИТЕЛЯ

Гуманитаризация общественных отношений, неуклонное повышение духовно-культурного уровня советских людей — властная потребность времени, непременное условие успешного развития социализма.

И все же именно проблемы гуманитаризации высшего образования, само состояние дел в гуманитарной сфере, в сфере филологических специальностей — по-прежнему вызывают серьезную озабоченность и заставляют нас взглянуть за горизонт.

Высшая школа испытывает сейчас в ответственности новый период конкретной реализации намеченных партией мер по коренной перестройке всех направлений своей деятельности. Особое значение имеет приказ Минвуза С

ЭКСПЕРИМЕНТ В СВЕТЕ РАМПЫ

ИЗ БЛОКНОТА КОРРЕСПОНДЕНТА

Не возведут ли свободу в абсолют?

В разгар совещания в президиуме поступила записка: «А не кажется ли вам, что мы слишком много говорим о свободе творчества? Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!»

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене художественной идеи.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПАРТРАБОТНИКА

Силу слов — в энергию дела

И. АНТОНОВИЧ, заведующий отделом культуры ЦК Компартии Белоруссии

Много интересного узнаешь сегодня из газет. Читаешь, что демократия актерами зачастую воспринимается как авархия, а режиссерами как самовластие, что театры разъезжаются раздорами, что театральная касса — враг художественного общества... Почти все, что пишут, верно. Читая, можно сделать вывод — пробудившиеся в советском театре организационная энергия пока не вымыла в творческую.

Тем не менее можно сделать и другой заключение — эксперимент всколыхнул театральные коллективы, пробудил интерес артистов к делам управления творчеством. Работать в театре стало, несомненно, интереснее.

Теперь о проблемах, которые возникли в ходе работы. Эксперимент тормозится административной негибкостью, в первую очередь финансовой. Сейчас получается, что творческая неудача означает для театра неудачу финансовой. От неудач не застрахован никто, и, конечно, лучше из иметь меньше. Но зачем же и психологической травмы добавлять финансово-санацию? Между тем, по первоначальным условиям эксперимента, так и получается.

Социализм не только никогда не ставил целью заработать на культуре, но всегда и всячески ей помогал. Надо, чтобы эксперимент не отменил эту традицию, а, напротив, укрепил ее.

Хотя в театрах была обещана самостоятельность в решении большинства творческих вопросов, на деле она реализуется медленно. Наше республиканское министерство, например, так не дало пока возможности коллективам самостоятельно распоряжаться средствами для закупки пьес. Отдел культуры ЦК Компартии Белоруссии думает это дело поправить. Но возникают и другие принципиальные вопросы.

Одни из них — тарификация, особенно по высшей категории творческого состава. Нам представляется, что право тарификации по высшей категории должно быть предоставлено театрам. Это серьезное испытание художественных советов на зрелость, и им надо дать возможность его пройти.

Административно-финансовые условия эксперимента надо еще раз уточнить, детализировать с учетом первых его итогов, придать им четкую юридическую основу. Ведь мы знаем по опыту, что все оставшиеся недосчитанные финансовые органы толкуют в свою пользу.

Острыми остаются вопросы кадрового обеспечения эксперимента. На этом и других совещаниях много говорится о нехватке режиссеров, художников, других творческих работников. И меньше — о специалистах технического профиля, обслуживающих сценическое действие. Сложился парадокс: сегодня легче найти народного артиста в группе театра, чем квалифицированного специалиста, сняженного, по освещению, технике. И это в условиях, когда театр оснащен электронной, лазерной техникой и т. п. Поэтому мы Сокуем театральным деятелям, совместно с компетентными ведомствами не рассмотреть вопрос об организации системы учебных заведений, готовящих специалистов по вспомогательным отраслям театрального дела — и по технике, и по освещению, и по костюму, и по гриму... Не собирать у себя неудачников из тех знает никак отраслей, а готовить людей, выдающих в этом профессии и истинное призвание. Конечно, такой подход надо соответственно обеспечить и материально, и морально. Об этом говорилось на театральных съездах, но пока не видно действий.

Но главное в театре — творческая отдача, репертуар. А здесь нам пока хватает нечего. На выдумку драматургии пришла большая литература. Театры республики играют Астафьеву, Распутину, Залмыгину, Трифонова, Быкова, Белова...

Все согласны, что это хорошо. И все же. Если вся новая талантливая проза и инсценируется, а новая драматургия игнорируется — это уже не нормально. Должен ли театр истово следовать за литературой? Эффекта итогичности здесь не избежать. Особенно, если кое-кто из постановщиков рассчитывает, что на афишах принесут будет имя маститого литератора, а инсценировку все-таки сделает сам режиссер. Инсценировка редко достигает художественного уровня первоосновы. Помимо всего, это не лучшая услуга талантливому литератору.

Театр должен воспитывать свой актинг драматургов. Давайте подумаем, разве было бы плохо, если бы со всей страны и даже со всего мира ехали любители и знатоки театра в Москву посмотреть спектакль, который был поставлен только во МХАТе по пьесе, написанной только для него? Но пьесе, на которую театр имел бы авторское право. И разве автор такой пьесы имел бы меньшую известность, чем тот, который за год прошелся ураганом по сотням театров, а потом вдруг сгинул? Убежден, что возникающие при этом финансово-экономические причины иньюсы можно было бы легко урегулировать.

Работа драматургов направлена на театры, самостоятельность в выборе своих авторов и заказе им пьес — условие успеха эксперимента.

Мы уже сообщали о том, что в Куйбышеве проходило Всесоюзное совещание заведующих отделами ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС по проблемам театрального эксперимента.

Сегодня мы рассказываем о том, какие проблемы обсуждались на совещании, каковы итоги первых месяцев работы восьмидесяти двух театров страны в условиях эксперимента, что могут и должны сделать партийные и советские органы в реструктуре театрального дела.

Ничто так не вредит формированию социалистического мировоззрения художника, как глобальное говорим о свободе творчества! Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене художественной идеи.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

Сегодня мы рассказываем о том, какие проблемы обсуждались на совещании, каковы итоги первых месяцев работы восьмидесяти двух театров страны в условиях эксперимента, что могут и должны сделать партийные и советские органы в реструктуре театрального дела.

Ничто так не вредит формированию социалистического мировоззрения художника, как глобальное говорим о свободе творчества! Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене художественной идеи.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

Сегодня мы рассказываем о том, какие проблемы обсуждались на совещании, каковы итоги первых месяцев работы восьмидесяти двух театров страны в условиях эксперимента, что могут и должны сделать партийные и советские органы в реструктуре театрального дела.

Ничто так не вредит формированию социалистического мировоззрения художника, как глобальное говорим о свободе творчества! Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене художественной идеи.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

Сегодня мы рассказываем о том, какие проблемы обсуждались на совещании, каковы итоги первых месяцев работы восьмидесяти двух театров страны в условиях эксперимента, что могут и должны сделать партийные и советские органы в реструктуре театрального дела.

Ничто так не вредит формированию социалистического мировоззрения художника, как глобальное говорим о свободе творчества! Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене художественной идеи.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

Сегодня мы рассказываем о том, какие проблемы обсуждались на совещании, каковы итоги первых месяцев работы восьмидесяти двух театров страны в условиях эксперимента, что могут и должны сделать партийные и советские органы в реструктуре театрального дела.

Ничто так не вредит формированию социалистического мировоззрения художника, как глобальное говорим о свободе творчества! Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене художественной идеи.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

Сегодня мы рассказываем о том, какие проблемы обсуждались на совещании, каковы итоги первых месяцев работы восьмидесяти двух театров страны в условиях эксперимента, что могут и должны сделать партийные и советские органы в реструктуре театрального дела.

Ничто так не вредит формированию социалистического мировоззрения художника, как глобальное говорим о свободе творчества! Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене художественной идеи.

Отличаясь на вопрос, председательствующий еще раз напомнил, что партийное руководство сферой культуры, в том числе и театром, требует умения понимать специфику искусства, бережно относясь к творческой индивидуальности, и тому или иному художественному явлению. Вместе с тем задача партийного работника — умело направлять творческий поиск. А потому разговор о демократизации творчества — это еще и разговор о гражданской ответственности художника, о его политической и пристрастной культуре, о мироизрении.

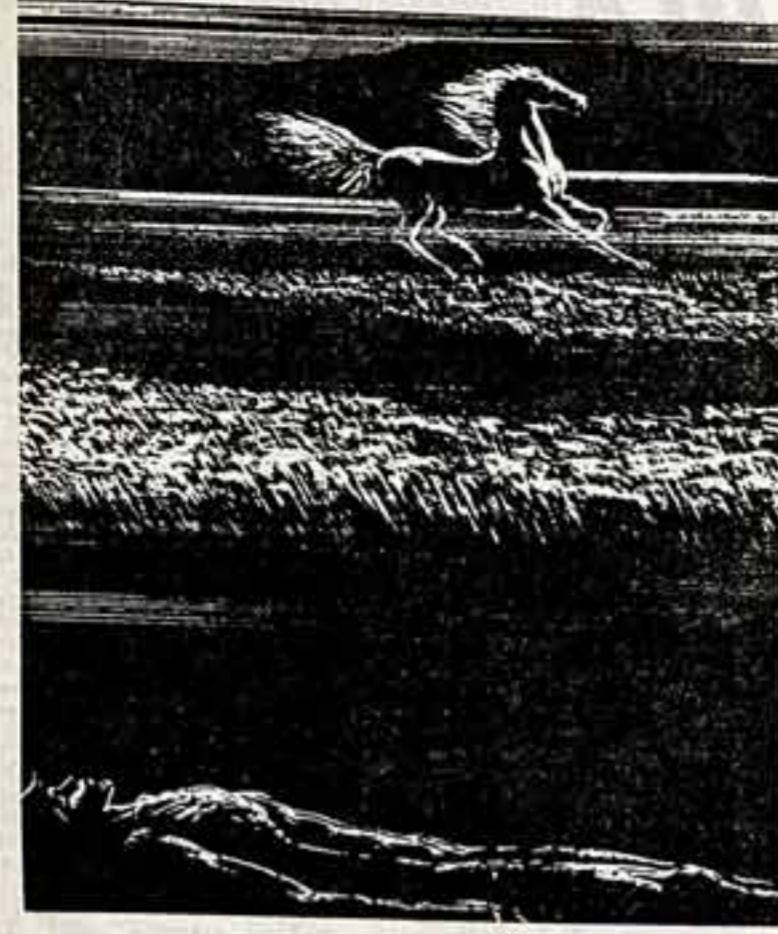
Сегодня мы рассказываем о том, какие проблемы обсуждались на совещании, каковы итоги первых месяцев работы восьмидесяти двух театров страны в условиях эксперимента, что могут и должны сделать партийные и советские органы в реструктуре театрального дела.

Ничто так не вредит формированию социалистического мировоззрения художника, как глобальное говорим о свободе творчества! Как бы народные театральные лидеры не возвели этот принцип в абсолют — дескать, что хочу, то ворочу!

Первый заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Е. В. Зайцев прежде всего упрекнул автора в том, что тот пожелал оставить некомпетентных. Упрек справедливый. Хотя бы потому, что разговор на этом совещании шел и острый, и в то же время доверительный и откровенный.

Тема партийного руководства театральным искусством, ходом эксперимента была одной из главных. Возможно, автор записи смущало единодушие выступающих: они говорили о том, что время грубого мешательства в театрский прошлый — прошедшее время. Сегодня партийный работник, представитель органа управления культуры — соратники талантливого художника, театрального коллектива, помогающие наиболее полно раскрытию, воплощению на сцене худ

НАШ КОНКУРС

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Для меня, живущего «далекой эпохой славы» — Владивостоке, особый интерес представляют книги, посвященные героям-символам революции борьбы за права человека на узких улицах Востока. «Через русскую революцию» — из тех книг, которые до сегодняшнего дня не утратили своей притягательности. Автор — американский писатель и публицист Альберт Рик Бильдес, бывший сидетелем Октябрьского вооруженного восстания и первым шагом Советской власти, встречавшийся с В. И. Лениным.

Страницы книги, посвященной 1918 году со Владивостоком, наверное, самые лучшие. Почти два месяца за дверью прославляет автор звезды великой драмы, а также роль Владивостока в успехе революции. Книга научила меня видеть историю с большой буквы, и в этом ее главная ценность.

Убежден, что именно в Владивостоке писатель в полной мере осознал масштаб революционных действий, увидел подлинную душу революционного народа.

Больше всего я люблю с книжкой Бильдеса свою dochь-воспитанницу. Может быть, в этом и заключается префектность этого главного смысла, вкладываемого в понятие революция продолжается. Она продолжается уже не на страницах книги, а в наших сердцах.

Валерий МАРКОВ.

ОКТЯБРЬ И КНИГА

Наконец, наш конкурс продолжается. Предлагаем очередное задание: назовите произведение, в котором выполнены публикуемые иллюстрации, фамилии писателей и художников. Победитесь своими отгадками об этих членствах.

Краски ледового театра

Коллективу, который вы брали себе имя «Театр ледовых миниатюр», всего несколько месяцев. В конце прошлого года в московском дворце спорта «Юность» состоялась его премьера-рождение. Впрочем, художественным руководителем труппы (и добавим — ее ведущим исполнителем) хорошо знают и любят миллионы артистов. Это заслуженный мастер спорта СССР Игорь Бобрик.

Первая же программа ледового театра подтвердила неслучайность и правомерность выбранного им названия. Бурлеск-балет «Немое кинотеатр» (размышление на тему Чарли Чаплина) и «Ди-вертисмент» явили нам саму живущую, художественно зародившуюся труппу.

Особого внимания заслуживает спектакль «Немое кино» (автор сценария И. Резник, балетмейстер-постановщик Н. Доббади, режиссер-постановщик И. Бобрик). Честно признаться, я не только изящные зарисовки в

стиле ретро, не только острущие, сложноподеленные сцены, но и прежде всего печальный и добрых рассказ о смешном, трогательном и чистом человеке, которого почему-то никто не хочет понять. Игорь Бобрик, а он исполняет роль Чарли, раскрывается здесь как прекрасный драматический актер и становится своеобразным эмоциональным центром всего пластического повествования. А кульминация психологической линии балета стала сцена «Шарманщик». Чарли противится иному шарманщику цветок — самое драгоценное, что у него есть, и на мгновение в унисоне, забытом человеке оживают достоинство и надежда... В финале этот цветок Чарли, только что оскорбленный группой полулюдей-полуроботов, оставляет на память тем, кто собрался в зале.

Разумеется, спектакль еще нуждается в дальнейшей шлифовке. Постановщикам еще предстоит уйти от отдельных штампов, подчас десктических переходов между картинами. Тем не менее уже сегодня можно говорить о том, что театр И. Бобрика привлекает и серьезностью торжественных задач, и глубокой эмоциональностью. И еще — интеллигентностью, которая в данном случае непременно подразумевает отсутствие на-

как бы то ни было симпто-мозаик «звездной болезни», искажающей уважение к зрителям.

М. ЮРЬЕВА.

Второе рождение оперы

Весна поздно пришла в столице Тосканы, словно нарочно задержавшись до открытия музыкального фестиваля «Флорентийский май», который в этом году был юбилейным — пятидесятым. Фестиваль открылся в «Театро Комунале»

премьерой оперы Берлиоза, посвященной всемирно известному флерентину, одному из величайших мастеров итальянского Возрождения, скульптору, ювелиру и художнику Бенвенуто Челлини. Здесь же Флоренции, не площади Синьории, рядом со скульптурами Микеланджело и Донателлы, воззвавшиеся его легендарный «Персея».

Спектакль вызвал особенный интерес у публики — и потому, что опера «Бенвенуто Челлини» на протяжении 150 лет своего существования находилась в трудной судьбе, и потому, что до этого времени никогда здесь не ставилась. На роли флерентинского скулптора организаторы фестиваля привлекли американского генерала и мэра Флоренции Массимино Боданинико. Несомненно, опера Берлиоза привлекла и к большому репертуару. И действительно, взыскательные ценители оперного искусства, многочисленные любители музыки единодушно отмечали великолепное звучание оркестра и хора, исполнительскую солистику и прекрасную работу дирижера Владимира Федосеева. Опера «Бенвенуто Челлини», посвященная известной итальянской певице Чечилии Гасдруба (сопрано), труппа и хор флерентинского фестиваля были дополнены группой хора оперы театра Монте-Карло (хор-мейстер Р. Гебрени). Осуществил постановку австралийский режиссер Э. Машински. Музикальным руководителем спектакля был приглашен советский дирижер Владимир Федосеев.

«Вчера в «Театро Комунале» был самый настоящий успех», — писала одна из местных газет. — Триумфатором вечера был вместе с исполнителями и советским дирижером Владимир Федосеев.

Леонид СИДЕЛЬНИКОВ, ФЛОРЕНЦИЯ — МОСКВА.

Между нами — плаха. Дощатая сцена-помост, разделяющая крошечный зрительный зал на две части. Помост! Разделяющий! Скорее, мост, соединяющий всех, кто здесь собирается: ведь зрители смотрят не в затылок, а в глаза друг другу.

В продуваемом со всех сторон московским подвалом, где приоткрылся экспериментальный театр-студия под руководством В. Спесивцева, играют «Плаху».

Едва начался спектакль, едва прозвучали первые слова, мои соседи-студенты залились. Замерли. А я слегка не только за тем, что происходит на сцене, но и думаю об Айтматове, вспоминая свою встречу с ним.

В книгах — человек огромной чуткости, душевной щедрости, поэтичности. В жизни — не приветливый, заминутный. Говорят словно бы нехотя. Чувство юмора редко блескет. И ульбка также редко освещает неподвижное лицо. Угрюмый тихолед.

Несовпадение это удручило. Каждую новую его книгу я читала с большим трудом преодолевая первые страницы. Но, преодолев, уже не отрывалась, узинала его первость, ее главной и неизменной задаче — защите человеческой личности. И всякий раз удивлялась его новизне, могучему воображению, неподхожести на других.

Иные критики не жизнью поверяют его книги, а другими языками. Литературу переведают литературой?

«Характеры гонцов в «Плахе» недостаточно хорошо выписаны? Почему же я тогда сопоставляю сейчас играющих их актеров с теми образами, которые под воздействием Айтматова сколько слов смолкли в моем представлении? Хорошо, что один из них актер исполняет Гришана и Пилата. Для меня все они выстрадались в один ряд: Гришан, Пилат, Кандалов, Базарий и партнер Кохорбаев.

«Ренанская традиция искривления? Но дело в том, что Айтматов не читал Ренана. Без помощи Ренана старается познать историю национального человеческого духа. Извечный конфликт личности и общества. Хотя, наверное, и не стал бы спорить с Ренаном, что свободы подлинными истинами.

«Булгариков чувствовал себя последним и становил вену конца? Да неужели этот дерзкий художник, сам нарушавший все и всяческие каноны, стал бы сознательно «ставить вену конца»? И возможны ли вообще в литературе какие-либо «вены конца»?

Времена меняются, а подозрительность по отношению к бунтарям и нарушителям заведенного порядка не убывает. Во все времена трудно жить таким образом.

У Пушкина есть строка: «Умники, ролот малодушный! Гордися и радуйся, поэт: Ты не понимаешь главы послушной Перед позором наших лет...»

Ослепление. Прозрение. Снова ослепление. Снова прозрение. Снова же мы будем прозревать? Да и все ли прозрели? И все ли национальные полули и получают по заслугам? А может ли лучше их пособники — трусливые молчаливые?

Безнадежно рассчитывать на искреннюю духовную перестройку давно переродившихся людей. Даже если с привычной для них готовностью они вдруг признаются рассуждать о правде, совести, гласности. Те, кто добился личного процветания именно благодаря отсутствию таковых. И наяву нашему обществу удобно для избранных (по щедрому выражению) «кодекс условной нравственности, условной истины и условной справедливости». Прежде такие люди делали нарыв на неправду. Сегодня — спекулируют на правде. Рухнули одни опоры, они ту же изъясняют новые. Им мало просто усидеть. Они из всех сил стараются «укрепиться». Обзаводятся новыми свя-

«МОСФИЛЬМ»: ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Год назад наша газета опубликовала статью «Мосфильм: Размышления о пародийном подземелье». В ней говорилось о сложной, по сути тупиковой, кризисной ситуации, которой оказалась главная студия страны. С тех пор прошло не просто время, но целый год парестройки кинематографии, формирования новой модели кинопроизводства, которая сегодня по инициативе Госкино и Союза кинематографистов СССР наконец начинает внедряться в жизнь. Мы немало писали об этом, писали об опыте эксперимента на «Ленфильме».

Сегодня наш разговор о «Мосфильме». Студия приступает к переходному периоду внедрения базовой модели перестройки. Как сказал вновь назначенный генеральный директор В. ДОСТАЛЬ, основное внимание на этот период будет сосредоточено на объединении как главном составляющем звене перестройки. Сегодня, заметил Досталь, это будут еще пока не студии, а именно объединения, все работают пока на один котел, нет еще отделения творчества от производства.

Однако на этом этапе объединения получают большую творческую и экономическую самостоятельность. Переструктурируется редакторская структура, и резко сокращается количества художников, принимавших участие в фильмах, по сути, не сейчас будет четыре. За счет сокращения редакторского аппарата заводится должность членов художественного совета, координирующего деятельность объединения с генеральной дирекцией и Госкино. Разумеется, существуют еще не решенные проблемы, и базовая модель не дает ответа, как действовать в том случае, если возникнут разногласия между Госкино и руководством Союза кинематографистов. Однако и генеральная дирекция, весь коллектив студии надеются найти здесь оптимальные решения.

Сегодня мы попросили поделиться своим мнением по поводу перестройки на «Мосфильме» руководителя одного из объединений, народного артиста СССР Ю. Райзмана. Дальше мы представим слово другим режиссерам, мастерам студии.

Юлий РАЙЗМАН,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

Что я думаю о нынешнем переходном этапе перестройки на «Мосфильме», о структуре объединения, которая предлагается?

Мысли много, но пока все они предварительные, как и сам этап — переходный. Радуемся ли, что большая свобода, творческая самостоятельность предоставляемы объединениям, и художественным руководителям в частности. И да, и нет, как и странно. Потому что нам предстоит многое пройти, на нас и возлагается очень большая ответственность. И пока я в гораздо большей степени чувствую как раз ответственность. Но чтобы отвечать, надо иметь материальную, правовую, финансовую самостоятельность, а это самое объединение, я пока ощущаю чисто умозрительное.

Речь идет прежде всего о том, что мы должны улучшить качество фильмов — здесь главная цель и главный итог перестройки. За качество фильма должно отвечать объединение — так сегодня нам говорят. Но чтобы отвечать, мы должны прежде всего определить, в чем корень проблем, ее не решенные, узкие места. Вызвать их и решить сознательно. И потому я постараюсь очень коротко, скратив, что узкие места, без разногласий, чтобы не загружать зрителя.

Спектакль вызвал особенный интерес у публики — и потому, что опера «Бенвенуто Челлини», посвященная парижской публике на премьеру в 1838 году и затем вновь до конца не появляясь во время других отрядов, отнюдь не часы исполнений в европейских театрах, неконченото познание настоящий успех. Думается, что судьба этой оперы-мученицы, с которой так несправедливо обращались, с этого момента больше ответственности. И пока я в гораздо большей степени чувствую как раз ответственность. Но чтобы отвечать, мы должны прежде всего определить, в чем корень проблем, ее не решенные, узкие места. Вызвать их и решить сознательно. И потому я постараюсь очень коротко, скратив, что узкие места, без разногласий, чтобы не загружать зрителя.

Итак, прежде всего сценарий. Сегодня мы принимаем заявки, оплачиваем первый вариант, потом второй, а затем, если не получимся, расторгаем договор. Дорого и долго. Надо оплачивать сценарии, чтобы сегодня нужно было оплатить как раз сценарий, а завтра или, пожалуйста, на следующий день, чтобы сегодня нужен был другой сценарий. Тогда мы должны прежде всего определить, в чем корень проблем, ее не решенные, узкие места. Вызвать их и решить сознательно. И потому я постараюсь очень коротко, скратив, что узкие места, без разногласий, чтобы не загружать зрителя.

Далее. Стоимость фильма. Здесь мы обходимся с производственным искусством, как, простите, с куклами, колбасами... 390 тысяч. Если меньше — хорошо, в если больше — это ЧП. Разве это правдиво? Фильм должен стоить столько, сколько он стоит, — иной и 200 тысяч, а иной и миллион. Мы экономим на декорации — «снимать в интерьерах», на экспедициях — две, а еще лучше одна, вот где-то здесь, на Ленинских горах. Потом мы удивляемся, что это было и есть большинство. И, наверное, будет. Но важно, чтобы этот средний не был самым, важно, как можно выше поднимать планку, оправдываясь критиками, что это было и есть самое необходимое.

Еще раз скажу, нельзя сегодня требовать, чтобы это все понимали, давать больше денег, давать больше техники, рекламы, и то, и другое остро необходимо. Но мы должны сами, скромно оправдываясь, завоевывать право ставить фильмы — и это, конечно, будет.

Еще раз скажу, нельзя сегодня требовать, чтобы это все понимали, давать больше денег, давать больше техники, рекламы, и то, и другое остро необходимо. Но мы должны сами, скромно оправдываясь, завоевывать право ставить фильмы — и это, конечно, будет.

Илья Айтматов, дирижер, хорист, певец, скрипач, склоняется считать, что и, возможно, не станет больше. В конце концов тебе неизвестные открытия в кино, о которых все говорят, были сделаны, в главном, задуманы еще до перестройки, по великому сердцу и таланту художника. Но мы должны задуматься на воротах, не о потоке. О среднем фильме — и всегда было и есть большинство. И, наверное, будет. Но важно, чтобы этот средний не был самым, важно, как можно выше поднимать планку, оправдываясь критиками.

Еще раз скажу, нельзя сегодня требовать, чтобы это все понимали, давать больше денег, давать больше техники, рекламы, и то, и другое остро необходимо. Но мы должны сами, скромно оправдываясь, завоевывать право ставить фильмы — и это, конечно, будет.

Последние строчки, последние минуты «Плахи».

Роковой выстрел. Бостон убивает свое дитя. И вот он — лицом к лицу — с подлинным убийцем, еще одним кандидатом — Базаровым. Расплата, которая настигает его в книге и в спектакле, кажется нам вполне справедливой. Недостойн такой человек ходить по земле.

Но оправдывали бы мы такой финал в жизни? Ведь в жизни даже самые тяжкие конфликты выстрели не разрешены. Где же выход?

Вы не устаете верить. Чингиз Токаревович, в силу добра, в человеческую совесть. Но сами же с грустью пишете о своей сущности, о его умении «заглушил» и задавить свою совесть и настык свое мнество оправданий.

Достучитесь ли вы до таких сердец, в которых уже давно заглохла человеческая совесть?

Книга в отличие от спектакля не замыкается выстрелом. Там дальше идти очень сложно для Айтматова и для нас читателей.

«Бостон» же продолжает свой путь. А синий китайский Кузя все приближалась, и хотелось растираться в ней, исчезнуть, и хотелось жить, и хотелось жить.

— Почему вы в зоотехники пошли? Весь не только из любви и извращенности?

Задавший этот вопрос, вспомнил, с какой по-детски счастливой улыбкой

